

«ПСИХОЛОГИЯ» МЕТОДОЛОГИИ: РАЦИОГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Г.А. БАЛЛ

Указываются основные черты рациогуманистической мировоззренческой и методологической ориентации. С опорой на нее (и с учетом связи между уровнями личностного развития и социальной адаптированности индивида) характеризуются методологические решения в научной деятельности психологов.

Ключевые слова: рациогуманистическая ориентация, личностное развитие, социальная адаптированность, научная деятельность, социальные стереотипы, методологические решения.

Как отметил А.В. Юревич, «не только психология как наука обладает своей методологией, но и любая методология имеет свои психологические предпосылки – свою “психологию”» [26; 264]. В настоящей статье этот тезис комментируется, исходя из *рациогуманистической* мировоззренческой и методологической ориентации [2], [4], важнейшие черты которой таковы:

1) она есть выражение *гуманизма*, поощряющего (см. [3]), во-первых, *гуманность* и, во-вторых, *партнерское взаимодействие* людей и их сообществ. Атрибутами последнего являются уважение – к партнерам и к себе – и *фасилитация*, т. е. содействие раскрытию и приумножению конструктивных возможностей друг друга и своих собственных (включая способность к переживанию и реализации *бытийных ценностей* – добра, истины, красоты, справедливости, совершенства и т. д.);

2) она (что дает основание называть ее *рациогуманистической* – при отождествлении понятий *ratio* и *разум*) предусматривает следование принципу *гармонического рационализма* [3], требующему опоры на *интеллектуальную культуру* и на *диалогическое взаимодействие логически обосновываемой и интуитивно постигаемой позиций*;

3) она *распространяется на взаимодействие социокультурных общностей* (а также их представителей и отстаиваемых ими идейных систем).

Что касается «психологии методологии», то она может быть не только стихийно сложившейся, а и такой, в которой с наибольшей полнотой воплотились психологическое здоровье участников научной деятельности, их способность к самоактуализации, в том числе на уровне, характерном для «трансцендирующих самоактуализирующихся людей» [17; 272]. Безусловно, на деятельность в сфере науки (в частности, человековедческой), как и в сфере гуманитарной практики, распространяются общие психологические закономерности социального поведения. Вместе с тем ученый или работающий с людьми практик, достигший высокого уровня личностного развития и профессиональной культуры, способен в той или иной мере трансцендировать наиболее распространенные формы проявления упомянутых закономерностей – регулируя (благодаря развитой воле) свои мотивы в направлении большего ответственности ключевым для него ценностям, выявляя (благодаря развитому мышлению) и признавая (благодаря сформированной интеллектуальной честности и меньшему, по сравнению с большинством людей, конформизму) свойства изучаемых явлений, чаще всего трактуемые искаженно из-за господствующих в социуме или в профессиональной среде стереотипов, и т. п. Характерный пример: хотя ценности, исповедуемые историком, могут вести «к заблуждениям, иллюзиям, ошибкам», но «любовь к истине тоже есть ценность», позволяющая ему гордиться тем, что «он в состоянии преодолеть свои собственные симпатии, в состоянии позволить себе объективность» [13; 185].

Итак, рациогуманистическая ориентация должна выражаться (в том числе в научной деятельности психологов) в опоре на гармоничный интеллект и на паттерны социального поведения, характерные для высоко развитых в личностном плане людей. Эти требования взаимосвязаны: ведь действия, объективно оказывающиеся неразумными, сплошь и рядом обу-

словлены не нехваткой когнитивных ресурсов, а психологическими защитами, ригидностью установок, конформизмом и другими препятствиями личностному росту.

Недостаточно, однако, зафиксировать различия между более распространенным, но далеким от радиогуманистического идеала социальным поведением в сфере научной деятельности и таким, которое к указанному идеалу приближается. Желательно видеть также социально-психологические механизмы, препятствующие такому приближению, а, по возможности, и пути преодоления этих препятствий. Достижению этой цели должно помочь рассмотрение проблемы, которой посвящен следующий раздел.

СВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ ИНДИВИДА

Обычно в социальной адаптированности видят важное проявление личностного развития и предпосылку дальнейшего продвижения по этому пути. Однако связь между рассматриваемыми характеристиками сложнее.

Обратимся к выдвинутой в начале XX ст. А.Ф. Лазурским концепции трех уровней развития личности (в терминологии автора концепции – «психических уровней»). Представители *нижнего* уровня не способны удовлетворительным образом приспособиться к социальной среде, представители *среднего* уровня – способны, представители же *высшего* уровня в большей или меньшей мере изменяют среду согласно своим представлениям и ценностям. Однако, предупреждал Лазурский, «процесс творчества, переработка действительности сообразно своим идеалам и стремлениям никогда не дается им даром, а почти всегда сопровождается упорной борьбой и различными лишениями, духовными или материальными... Благодаря этому представители высшего уровня, даже в случае успеха своих планов и стремлений, нередко оказываются в социальном плане устроившимися гораздо хуже, нежели обыкновенные, средние люди» [15; 63].

Аналогичную зависимость отражает известная концепция стадий развития морального сознания индивида, по Л. Колбергу, различающая *доконвенциональную*, *конвенциональную* и *постконвенциональную* мораль. По степени приспособленности к социальному окружению, людям, находящимся на среднем (конвенциональном) уровне, уступают представители как доконвенционального уровня (образно говоря, не доросшие до морали, господствующей в их окружении), так и постконвенционального (переросшие эту мораль).

С излагаемыми идеями созвучны результаты ряда исследований зависимости успешности социальной адаптации от уровня одаренности. Показано, в частности, что дети с т. н. нормальной одаренностью «лучше приспособляются к окружению, чем обычные дети»; однако «особо одаренные дети... характеризуются резким снижением адаптационных характеристик» [16; 25]. В другом исследовании установлены существенные различия между группой работников со средней успешностью и группой очень успешных, которая по ряду показателей оказалась близка к работникам с низкой успешностью. При этом по сравнению с крайними группами «группа средне успешных была более приспособлена эмоционально и психосоматически к условиям некоторого „среднего“ социального существования» [14; 178].

В приведенных примерах легко усмотреть реализацию единой модели, фиксирующей статистически устанавливаемую закономерность для трех групп индивидов, достигших соответственно низшей, средней или высшей степени личностного развития (либо какой-то его стороны): средняя степень обеспечивает наибольшую социальную адаптированность, высшая же в рассматриваемом отношении как бы повторяет низшую (но на новом уровне – реализует диалектический принцип отрицания отрицания).

Наряду с этой трехкомпонентной дискретной моделью, для представления рассматриваемых феноменов подходит и модель континуальная, главное содержание которой передает криволинейная функция регрессии $a = f(d)$, где d (personality development) и a (efficiency of social adaptation) – математические ожидания показателей личностного развития и социальной адаптированности соответственно; f – непрерывная функция, имеющая максимум (единственный) при $d = d_{opt}$ (здесь d_{opt} – оптимальное в данном отношении значение показателя d).

Ее частным случаем является обосновываемая А.Г. Шмелёвым гипотетическая функция [24; 318], связывающая когнитивную сложность эксперта (которую, замечу, можно считать одним из показателей его личностного развития) и согласованность его оценок с оценками большинства других экспертов (а это – одно из проявлений социальной адаптированности).

Разумеется, конкретная форма двумерного статистического распределения индивидов по показателям личностного развития и социальной адаптированности, устанавливаемая в рамках то ли дискретной, то ли континуальной модели (а также сравнительная роль в детерминации обсуждаемой зависимости психофизиологических и эндopsихических факторов, с одной стороны, и социально-психологических и экзopsихических [15], с другой) во многом обусловлены особенностями используемых показателей, характеристиками контингента индивидов и социальной общности, по отношению к которой рассматривается степень их адаптированности. Но, при этих уточнениях, можно предположить, что описываемая зависимость представляет собой одну из универсальных человековедческих закономерностей.

Это предположение вряд ли опровергается констатированной в статье [6] противоречивостью результатов эмпирических исследований (по мнению автора статьи, «вопрос о том, действительно ли одаренные испытывают больше трудностей в процессе социальной адаптации, до сих пор открыт» [6; 47]). Ведь естественно допустить, что в одних исследованиях точка оптимума d_{opt} находится внутри задействованного диапазона значений показателя d , а в других исследованиях – вне этого диапазона.

Человековеды-исследователи и практики, работающие с людьми, чаще всего фиксируют внимание на ситуациях, соответствующих левой, восходящей ветви кривой, изображающей функцию $a = f(d)$, и упускают из виду ее правую, нисходящую ветвь. Между тем, эта последняя отображает ситуацию, в которую попадают личностно наиболее развитые люди, в том числе наиболее развитые для своего возраста школьники и студенты. По большей части им не уделяют должного внимания, а то и тормозят их личностное развитие «социализирующими» воздействиями.

Надо признать также, что рассматриваемый Абрахамом Маслоу как одно из главных препятствий для самоактуализации «комплекс Ионы», вследствие которого «мы боимся не только худшего, но и лучшего в нас, хоть и по-разному» [17; 43], служит плодом не только невротической тревожности, но и антиципации трудностей, с которыми едва ли не обязательно столкнется человек, оказавшись, условно говоря, на правой ветви вышеупомянутой кривой. Гуманистически ориентированные педагоги и психологи, осуществляя фасилитацию личностного роста своих подопечных, не должны скрывать от них эти трудности. Но при этом надо готовить их к осмыслению таких трудностей не как несправедливостей, побуждающих к разочарованию в жизни и деструктивному поведению, а как закономерных проявлений неизбежно противоречивого бытия, считаясь с которыми личностно развитой человек вполне способен реализовать свое призвание, внести творческий вклад в культуру и принести пользу обществу.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГОВ

Обратимся к вопросам, касающимся одновременно и методологии психологии, и «психологии методологии», а, говоря конкретнее, – к *методологическим решениям*, которые приходится принимать психологам. Такие решения часто необходимы, чтобы ответить на вопрос: *использовать ли в данной ситуации научной деятельности средства, по поводу которых действуют отрицательные стереотипы – макро- или микросоциальные?*

Гуманистический ориентир здесь очевиден. Как известно, для самоактуализирующихся людей характерно открытое, непредубежденное отношение к миру. Естественно, что оно должно проявляться и в выборе ученым (в частности, психологом) средств научно-познавательной деятельности. Рассмотрим несколько типичных для нее ситуаций.

Ситуация 1. Указанное отношение найдет проявление в готовности привлекать к делу разнообразнейшие *источники информации* (литературные, медийные, присутствующие в

личном опыте и пр.), даже при их сомнительной, в том или ином плане, репутации. Необходимо лишь (помимо соблюдения правовых и моральных норм), чтобы их использование помогало решению стоящей перед ученым задачи. Здесь прослеживается аналогия с хрестоматийными строками Ахматовой о том, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Главным – и в поэзии, и в науке – является не то, *что* используется, а то, *как* используется (и, разумеется, достигаемый результат).

Например, отдельная история из человеческой жизни или эксперимент, проведенный на слишком малой выборке, не могут служить основанием для констатации психологических закономерностей, но основаниями для формулирования исследовательской задачи или для выдвижения гипотезы они вполне могут быть. Тем не менее включать такого типа материалы, скажем, в диссертации обычно опасаются. Видимо, такие опасения безосновательны – если ясно сказано, в какой функции используются подобные материалы, и если научные работы оцениваются компетентно.

Ситуация 2. В то время как чрезмерная осторожность, проявившаяся в приведенном примере, характерна для начинающих научных работников, аналогичный подход в ситуации, о которой пойдет речь ниже, проявляют и авторитетные ученые. Я имею в виду настороженное отношение к моделированию изучаемых в психологии процессов с помощью *средств, взятых из формализованных дисциплин*. Такое отношение отразилось в словах М.Г. Ярошевского о том, что реальность, обозначаемая психологическими понятиями, «не высвечивается, а затемняется, когда на нее проецируются схемы, сложившиеся при исследовании явлений других порядков» [27; 443]. Ярошевский был, несомненно, прав, когда утверждал, что психологическая мысль должна «взаимодействовать “на равных” с другими направлениями, а не растворяться в них» [27; 443-444]). Что же касается первого процитированного тезиса, то он, на мой взгляд, справедлив лишь как *эмпирическое обобщение* проанализированной Ярошевским научной практики. Но ему недостает теоретического обоснования, и он не согласуется с более широким опытом взаимодействия наук. Как отмечалось в [1], упомянутая Ярошевским «проекция схем», или, иными словами, использование аналогий между разнородными явлениями, – это прием, полезность которого подтверждена историей науки. Подобную же мысль высказал недавно В.С. Стёпин: «Позиция, согласно которой в гуманитарных науках всё не так, как в естественных, скрыто означает, что в этой области (в гуманитарных науках. – Г.Б.) нельзя ничего привлекать из методологии, развитой на материале естествознания. Но тогда мы закрываем путь, которым чаще всего шло человеческое познание» – цит. по [10; 60].

Важно находить адекватные *способы* обсуждаемого привлечения. В [1] шла речь о том, как согласовать проанализированную А.В. Брушлинским *недизъюнктивность* основных объектов, изучаемых психологической наукой, с *дизъюнктивностью* их понятийных моделей, создаваемых в сотрудничестве с формализованными дисциплинами. Было показано, что такое согласование возможно, но требует: во-первых, построения достаточно густой сети дизъюнктивных понятий; во-вторых, сочетания разных вариантов соотнесения реальных (изменчивых и противоречивых) объектов с элементами указанной сети. Таким образом, и здесь находит подтверждение принцип, предусматривающий внимание не только к тому, *что* используется, но, главное, к тому, *как* используется. Неприемлемы односторонние взгляды, которые безоговорочно то ли приветствуют, то ли отвергают применение в психологии формализованных моделей. Такое применение возможно и полезно – при условии, что его технология отвечает требованиям, которые раскрывает методологический анализ.

Ситуация 3. Препятствием на пути использования тех или иных средств в психологических исследованиях нередко оказывается их *ассоциативная связь с ценностной неприемлемыми объектами*, распространение на них отрицательных «ореолов», окружающих такие объекты.

Существовавший в СССР идеологический и административный диктат в сфере научной деятельности и коммуникации (вплоть до жесткого табу на публичное упоминание широкого круга персоналий и тем) ушел в прошлое. Но не исчезли (и не исчезнут) социально-психологические влияния на ученых – как и их собственный конформизм. Самоактуализи-

рующиеся люди, однако, менее прочих склонны к конформизму: их, писал А. Маслоу, «не смущает, если 95% населения не согласны с ними» [17; 18]. Реальное освобождение ученых от остатков тоталитарной ментальности требует не примитивных инверсий (когда сжигают то, чему поклонялись), а последовательного преодоления моделей коммуникативного поведения в науке, которые, подчиняя это поведение венаучным факторам, наносят ущерб и науке, и общественной морали. Вместо этого ученый должен сосредоточиваться на *сути дела*.

В постсоветский период претерпело инверсию, в частности, доминирующее отношение к *диалектическому материализму*. Между тем, из того факта, что коммунистический тоталитаризм предоставлял монопольный статус этому философскому направлению (чем способствовал его вульгаризации), не вытекает сущностной связи между ними. Обращаясь же к *сути дела*, обнаруживаем основания считать, что эвристический потенциал диалектического материализма не исчерпан. В пользу этого говорит, в частности, значимость, для анализа процессов развития (в том числе в психологии), «образа-модели» спирали, потенциал которой был раскрыт в диалектике – гегелевской, а затем марксистской (см. [22]). Данный образ воплотился и в закономерности, рассмотренной в предыдущем разделе статьи.

Итак, в психологических исследованиях могут быть успешно применены самые разнообразнейшие средства, в том числе те, которые кажутся несолидными, экзотическими или скомпрометированными. Но пользоваться ими надо *этично* и *разумно*, сосредоточивая внимание на *сути дела*, – на что и ориентирует *рациогуанизм*.

Ситуация 4. К числу средств, по поводу использования которых психологам приходится принимать методологические решения, относятся научные модели исследуемых явлений. При этом решение нередко состоит в том, чтобы отдать *предпочтение более простым или, напротив, более сложным моделям*.

Справедливость тезиса, согласно которому «психология есть наука повышенной онтологической и гносеологической сложности» [11; 18], сочетается с предельной простотой целого ряда моделей, существенно способствовавших развитию психологии как науки и практики. Вспомним трехчленную структуру психики (*Оно, Я, Сверх-Я*) по З. Фрейду, или три «Эго-состояния» человека (*Ребенок, Взрослый, Родитель*) по Э. Берну, или три направления движения человека (*к людям, против людей, от людей*) по К. Хорни.

Обращаясь к отечественной психологии, также отмечаем высокую эвристическую силу очень простых моделей. Характерными примерами могут служить упомянутые выше три качественно различных «психических уровня», по А.Ф. Лазурскому, а также четыре типа жизненных миров человека по Ф.Е. Василюку [8], выделяемые на основе того, что указанный мир бывает внутренне *простым* или *сложным*, а внешне – *легким* или *трудным*.

Итак, даже в познании очень сложных объектов простые модели подчас весьма полезны – разумеется, если отражают в изучаемом объекте что-то очень существенное. Известно, что «научное познание есть неизбежное упрощение реальности... Вопрос не в том, как избежать упрощения, а в том, как отделить эффективное упрощение от неэффективного» [12; 56].

Чтобы достичь этого, ученому необходимы не только когнитивные качества, а и те, которые принято называть собственно личностными. Одно из них – профессиональная смелость, когда мотив адекватного решения научной проблемы сильнее мотивов сохранения или достижения социального комфорта. Чаще всего содержание такой смелости трактуют как готовность к выдвиганию идей оригинальных, непривычных (даже «сумасшедших» – вспомним известное высказывание Н. Бора). Но смелость нужна и для обращения – вопреки скепсису коллег (в котором также находит выражение своего рода социальный стереотип) – к очевидным, даже банальным истинам. Вместо того чтобы пренебрегать ими, отдавая предпочтение более модным идеям, – выдающиеся психологи не стеснялись как можно полнее раскрывать содержание «банальностей». Ведь и до Берна все прекрасно знали, что взрослые люди сплошь и рядом ведут себя как дети, а дети временами действуют с ответственностью и пониманием ситуации, которым могут позавидовать взрослые. Что же касается вышеупомянутой концепции Хорни, то куда вообще может двигаться человек среди других людей,

как не к ним, против них или от них? Видимо, коллеги этих психологов анализом таких «банальностей» пренебрегли. Не сожалели ли они впоследствии?

Разумеется, в научном познании не обойтись простыми моделями. Но их усложнение должно мотивироваться не стремлением к внешней солидности, наукообразию, а *содержательно* – необходимостью учета факторов, от которых более простые модели абстрагировались. Так, чтобы учесть особенности внутренне сложных жизненных миров, Ф.Е. Василюк [8] добавил к фрейдовским принципам *удовольствия* и *реальности* еще два принципа – *ценности* и *творчества*.

Отрицательные стереотипы могут не только касаться используемых в научной деятельности средств, а и проявляться в *установках*, прежде всего *конфронтационных*, предостерегающих, например, против «заигрывания» с идеями соперничающих научных школ (что оценивается ортодоксами как «беспринципность»). Подчас вызывают недоумение (а то и осуждаются как якобы беспринципные) слова А. Маслоу: «лично я и фрейдист, и бихевиорист, и гуманист, и к тому же еще разрабатываю то, что может быть названо четвертой психологией – психологией трансценденции» [17; 12]. Между тем, автор этих слов понимал: жизнь многогранна, а человек – существо разностороннее. В зависимости от ситуации, в которой он находится, от этапа его личностного развития, от стоящих перед ним проблем – наиболее адекватным может оказаться тот или иной из имеющихся в психологии подходов. Следовательно, их *плюрализм* вполне оправдан.

Применительно к психотерапии и психологическому консультированию К. Роджерс обосновал гуманистический принцип *клиентоцентрированности*. Его суть в том, что ответственным лицом, принимающим решения, является клиент, а психотерапевт, опираясь на профессиональные знания и опыт, оказывает ему поддержку. Однако можно говорить и о *клиентоцентрированности в обобщенном гуманистическом смысле*. Ведь при оказании помощи конкретному человеку главным для психолога, как и для врача, должно быть благо пациента (или клиента).

Стратегию психотерапевтической деятельности, при которой охотно используют методы разных направлений психотерапии, лишь бы помочь пациенту, называют, как известно, *эkleктической* (употребляя этот термин в исторически исходном, лишенном явных отрицательных коннотаций, смысле – см. [30]). При такой стратегии связи в системе «пациент – метод воздействия на него – результат», обеспечивающие успех терапии, не отрефлексированы на теоретическом уровне. Это, конечно, недостаток данной стратегии (в той или иной мере преодолеваемый в т. н. *интегративной психотерапии* [21]), однако важнее практический успех психотерапевта. Если он достигается, причем не в отдельных случаях, а с определенной надежностью, – значит вышеупомянутые системные связи интуитивно учтены психотерапевтом, иначе его деятельность не была бы успешна. Сошлюсь здесь на Д.И. Дубровского, подчеркивающего совместимость иррациональных механизмов творческого процесса с тем, что «готовый продукт творчества, обладающий существенной социальной ценностью, – это новая, *уникальная целостность* и потому есть по сути своей рациональное качество, которое противостоит хаотичному, разлагающемуся, аморфному, субъективистскому, абсурдному» (цит. по [19; 10]).

В своем отношении к конкретному человеку психолог-гуманист интересуется прежде всего его *положительным потенциалом* и стремится раскрыть, актуализировать, поддержать этот потенциал. Не должно ли быть аналогичным гуманистическое отношение к разным позициям (подходам, концепциям и т. п.) в науке, в профессиональной деятельности вообще, в общественной жизни – разумеется, при наличии необходимой основы для сотрудничества (общих идеалов, моральных принципов и т. п.)? Не следует ли сосредоточиваться в восприятии позиций, отличных от своей, прежде всего на их положительном потенциале, на возможностях их *конструктивного развития* (как это делает психотерапевт-гуманист, воспринимая клиента, или педагог-гуманист, воспринимая ученика) – и оказывать содействие такому развитию указанных позиций (а вместе с тем и своей собственной) посредством *диалога*? Что же касается критики, то она должна направляться не только на позицию партнеров по

диалогу, а и на собственную (и собственной научной школы) позицию. При этом необходима такая критическая рефлексия, «в которой момент отрицания подчинен продуктивному конструированию объекта (мыслимого или реального)» [23; 234].

Как правило, тенденция к абсолютизации и догматизации положений той или иной концепции более характерна для последователей основателя концепции, чем для него самого. Сравним хотя бы отношение А. Маслоу к бихевиористической психологии (вплоть до признания самого себя, в частности, и бихевиористом – см. приведенную выше цитату; это, конечно, не исключало убежденности в *недостаточности* бихевиоризма) и саркастическую характеристику ее К. Аантусом [28] как «психологии крысы».

Носитель знания о сложных объектах (изучаемых, в частности, психологией) должен применять его осторожно, учитывая его неполноту; вместе с тем он должен это знание совершенствовать – опираясь на взаимодействие с другими вариантами знания о том же объекте. Возникает, однако, вопрос: надо ли, чтобы пропагандировать и внедрять в жизнь определенные идеи, прежде всего *верить* в их истинность? Представляется полезной такая установка (в которой находит конкретизацию более общая установка гуманистически ориентированного социального поведения на *неконфронтационную солидарность* [18], [3]): отстаивая определенные идеи, ученый (как и опирающийся на науку практик), конечно, должен верить, но не в их абсолютную истинность, а в две вещи:

во-первых, в то, что эти идеи, при всех их недостатках и ограничениях, необходимы для решения тех или иных задач – научно-познавательных или практических (социальных, производственных, педагогических и т. п.), что указанные идеи обладают, по крайней мере в определенных отношениях, преимуществами перед другими идеями относительно тех же объектов, поэтому они обязательно должны звучать в диалоге (претендующем на плодотворность) с упомянутыми другими идеями;

во-вторых, в то, что именно данный субъект деятельности, поскольку определенные идеи близки ему (в частности, наиболее соответствуют его нравственным критериям – см. [20]), призван отстаивать, применять и развивать прежде всего именно их, представлять их в упомянутом диалоге, во взаимодействии с другими идеями – и таким образом содействовать прогрессу науки и практики.

Вместе с тем радиогуманистический идеал распространяет заинтересованно-конструктивный подход и на идеи партнеров. Согласно В.С. Библеру, «мое мышление культурно (и философски осмысливает свою культурность), когда оно способно постоянно развивать бесконечные потенциальные резервы не только моей собственной, но и иной логики...» [7; 407-408]. В ходе такого развития преодолевается чрезмерное противопоставление существующих подходов, которые подчас оказываются не столь несовместимы, как представлялось. Сказанное касается, в частности, противопоставления естественнонаучной парадигмы *исследования объекта* и гуманитарной парадигмы *диалогического взаимодействия субъектов*.

Обычно считают, что следующая естественнонаучной парадигме практика психологического экспериментирования, например, в сфере изучения познавательных процессов пренебрегает субъектными качествами исследуемого лица. Однако в действительности они проявляются в эксперименте; более того, без них эксперимент вообще не состоялся бы. Исследуемые (часто это студенты психологических факультетов), как правило, стараются, во-первых, сотрудничать с экспериментатором и, во-вторых, продемонстрировать наилучшие результаты, на какие способны. Именно потому, что они проявляют эти субъектные качества (и в той мере, в какой они их проявляют), экспериментатор обретает право, изучая психические функции, как бы абстрагироваться от субъектности исследуемых. В лаборатории, отмечал Р. Мэй, присущий человеку «элемент решения и ответственности за собственную экзистенцию временно приостановлен ради целей эксперимента» [29; 14]. Но соглашаясь на такую приостановку, исследуемый реализует специфическим образом свою субъектность (аналогичные решения часто принимаются субъектно развитыми людьми и в трудовой деятельности – см. [31; 327]).

При всем том заслуженное признание получает ныне *явный учет субъектных качеств испытуемых в самой организации эксперимента*. Так, интересные результаты в психофизике, где ранее господствовала традиция «молчаливого испытуемого», были получены К.В. Бардиным, когда он отнесся к исследуемому «как к субъекту, способному рассказать о том, каким образом он выполняет экспериментальное задание» [9; 137].

Вместе с тем безосновательно противопоставление субъектных качеств человека, с одной стороны, и подчинения его поведения определенным (возможно, еще не установленным) закономерностям, с другой. Пренебрегать их поиском так же неправильно, как сводить к тем, которые имеют «безгласные вещи», в терминологии М.М. Бахтина [5; 364]. Остроумно комментируя тезис Ж.-П. Сартра «экзистенция предшествует эссенции» («существование предшествует сущности»), П. Тиллих писал: «Если спросить: не содержит ли это предложение, вопреки его интенции, какого-либо утверждения относительно сущностной природы человека, – мы должны ответить: да, содержит! Особая природа человека состоит в его способности творить себя» (цит. по [29; 13]).

Самоидентификация профессионала с тем или иным научным направлением – это частный случай идентификации с *социальной ролью*. Для высокоразвитого в личностном плане человека она является весьма значимым и ответственным актом, но не является фанатически-безоговорочной. В проекции на процесс развития науки такой подход способствует утверждению научного направления, с которым идентифицируются ученые, в его определенности и специфичности и вместе с тем предотвращает его абсолютизацию, поддерживая необходимую для творческого развития степень самокритичности. Рассмотренная установка исключает – считая неуместными в науке – и фанатизм, и проникнутую равнодушием к содержанию идей, граничащую с цинизмом так называемую «праздную» толерантность [25].

В заключение кратко прокомментирую вышесказанное с точки зрения рассмотренной в предыдущем разделе связи уровней социальной адаптированности и личностного развития – с учетом того, что к составляющим последнего уместно относить и приобщение к профессиональной культуре.

Ограничиваясь первыми тремя из описанных выше ситуаций и имея в виду, что логика рассуждений применительно к остальным рассмотренным ситуациям может быть аналогична, констатируем следующее. Отрицательные социальные стереотипы в сфере «психологии методологии», которые приходится преодолевать стремящимся к самоактуализации психологам, сложились не на пустом месте. Они отражают опыт общения с горе-специалистами, не овладевшими азами экспериментальной психологии (в первом примере), или с людьми, обладающими устаревшими идеологическими пристрастиями и недостаточно компетентными в мировой философии (в третьем примере); применительно ко второму примеру об эмпирическом обобщении научной практики было сказано. В общем, эти стереотипы в какой-то мере оправданны в отношении лиц, находящихся (применительно к интересующим нас аспектам личностного и профессионального развития) на левой ветви кривой $a = f(d)$, но совсем не оправданны применительно к тем творчески ориентированным людям, чье место, в рамках использованной модели, – на правой ветви упомянутой кривой.

Надеюсь, что эта статья поможет более полному освоению возможностей рациогуманистической ориентации, в особенности, позволю себе так выразиться, в методологическом воспитании молодых психологов.

1. Балл Г.А. Проблемы взаимодействия психологии с формализованными научными дисциплинами // Психол. журн. 1989. Т. 10. № 6. С. 34–39.
2. Балл Г.А. Психология в рациогуманистической перспективе: Избр. работы. Киев: Основа, 2006.
3. Балл Г.А. Психологические принципы современного гуманизма // Вопр. психол. 2009. № 6. С. 3–12.

4. *Балл Г.А.* Радиогуманистическая установка в методологии инновационного развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 155–159.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
6. *Белавина О.В.* Одаренные дети: проблемы диагностики и адаптации // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 1. С. 41–54.
7. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.
8. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
9. *Воловикова М.И.* Мастер психологии (штрихи к портрету К.В. Бардина) // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 2. С. 136–137.
10. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопр. филос. 2007. № 6. С. 57–82.
11. *Гусельцева М.С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопр. психол. 2009. № 5. С. 17–27.
12. *Ерёменко А.* История как событийность: В 2 т. Луганск: РИО ЛАВД, 2005. Т. I.
13. *Кантор В.К.* [Рецензия на кн.:] *Ignatow A.* Chronos im Blickfeld von Klio: Versuch einer Erkenntnistheorie der Historie // Вопр. филос. 2003. № 1. С. 184–186.
14. *Карпиловская С.Я.* Смысловая саморегуляция в контексте жизненных притязаний // Наукові студії із соціальної та політичної психології. Киев, 2004. Вып. 8 (11). С. 172–182.
15. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей: Изд. 3-е, перераб. Л.: Госиздат, 1924.
16. *Лукаш Е.Ю.* Отношение к социальной адаптации у творчески одаренных детей в России и США // Вопр. психол. 2004. № 4. С. 22–30.
17. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
18. *Назаретян А.П.* Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации // Вопр. филос. 2002. № 11. С. 73–84.
19. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре: Материалы «круглого стола» // Вопр. филос. 2003. № 12. С. 3–52.
20. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2007. С. 119–135.
21. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 1998.
22. *Семаго М.М.* О некоторых универсалиях образа познания // Мир психологии. 2009. № 4. С. 39–47.
23. *Сиземская И.Н.* Утопия как эпифеномен реформаторства // Новые идеи в социальной философии / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2006. С. 230–245.
24. *Шмелёв А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002.
25. *Шугуров М.В.* «Праздная» толерантность: постмодернистский сценарий // Обществ. науки и современность. 2003. № 5. С. 140–149.
26. *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005.
27. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки: Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1974.
28. *Aanstoos Ch.M.* Mainstream psychology and the humanistic alternative // *Wertz F.J.* (Ed.). The Humanistic Movement: Recovering the Person in Psychology. Lake Worth, Fl.: Gardner, 1994. P. 1–12.
29. *May R.* The emergence of existential psychology // *May R.* (Ed.). Existential Psychology: 2nd ed. New York: Random House, 1969. P. 1–48.
30. The Shorter Routledge Encyclopedia of Philosophy. L.: Routledge, 2005.
31. *Wilsz J.* Teoria pracy: Implikacje dla pedagogiki pracy. Kraków: Impuls, 2009.

“Psychology of methodology”: the ratiohumanistic view***G.A. Ball***

The author points out main features of the ratiohumanistic, world-view and methodological, orientation. Relying upon it (and taking into account the connection between the levels of personality development and of efficiency of social adaptation), he characterizes methodological decisions made by psychologists in their scientific activity.

Key words: ratiohumanistic orientation, personality development, efficiency of social adaptation, scientific activity, social stereotypes, methodological decisions.